ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

И. А. Климов

Национальные интересы - мобилизация ресурса инициативы и ресурса солидарности

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Klimov-2000-1.pdf

URL:http://www.civisbook.ru

Национальные интересы — мобилизация ресурса инициативы и ресурса солидарности

И.А. Климов

Проблема формирования национальных интересов непосредственно связана с созданием механизмов ценностно консолидированной социальной интеграции. На мой взгляд, главным индикатором успешного образования такого рода механизмов является готовность (и умение) добиваться согласия *меньшинства* с выбором *большинства*. Сразу подчеркну, что я говорю не только о праве меньшинства на выражение своей позиции, но и о том, что в обязанности большинства непременно должна войти установка на согласование позиций. Меньшинство не должно опасаться, что его мнение будет проигнорировано большинством, которое беззастенчиво воспользуется численным превосходством для реализации собственного — и не согласованного с оппонентами — плана действий.

Таким образом, интересы страны не станут действительно *национальными* при отсутствии механизма последовательного согласования позиций и интересов различных социальных групп. Роль партий в институционализации данного согласования заключается в создании структурных и политических возможностей для абсорбции общественных инициатив, агрегирования мнений, для представительства и защиты интересов своих *реальных* сторонников. Кстати, только две партии в России — КПРФ и "Яблоко" — имеют действительное, а не полуфиктивное членство. Конечно, в предвыборный период активизируются и партии виртуальные, способные достигать значительного успеха в слабоструктурированном обществе, но сила их воздействия на избирателя ограничена временем электоральной кампании.

Современное российское общество находится на этапе своего переструктурирования на основе нового нормативного порядка в ситуации, когда прежний порядок утратил легитимный статус. Поэтому сегодня и "плывут", становятся неконкретными прежние ценностные критерии в определении "своих" и "чужих". Подобное положение структурной и ценностно-мировоззренческой неопределенности, усиленное болезненным переживанием людьми собственной маргинальности, о чем свидетельствуют, например, материалы российско-польского исследования (руководители — В. Ядов и К. Козел а), открывает широкое поле для манипуляций общественным сознанием и коллективным поведением. Причем *базой для манипуляций становятся идентификационные параметры, а не нормативные проекты* (программы партий или политических лидеров). Ярким примером манипуляции распространенными — и наиболее примитивными — формами идентификации может служить посещение тюрьмы (кажется, это была "Матросская тишина") В.Жириновским. Он, разумеется, не пропагандировал в застенке никаких программ, не рассказывал о своих задачах. Он сидел на нарах вместе с обитателями данного заведения, курил, играл в карты... Всем своим видом и поведением лидер ЛДПР посылал избирателю единственный сигнал: "Ребята! Я — свой!". Если говорить о том, какое идеологическое направление победило на минувших парламентских выборах, то с определенной долей условности его можно обозначить как *"тенденция неотрефлектиро-ванной государственности"*. В нашем обществе существует социальный заказ на четкие "правила игры", которые были бы не просто ясны и вразумительны, но и жестко поддерживались ресурсом власти. Эти правила в первую очередь должна утверждать сама власть — тем, что сама будет им следовать неукоснительно и добиваться того же со стороны других социальных акторов. Однако такая тенденция является скорее *настроением*, нежели отрефлектированной позицией; у людей нет определенных представлений о том, в каких конкретных политических формах будет воплощена данная функция государства и, соответственно, будут реализованы их ожидания.

Новая — демократическая — российская государственность, как полагает, например, Г.Дилигенский, институционализирована весьма слабо. Поэтому люди связывают свои надежды не с государственными институтами, а с личностями, с конкретными политиками, которые, как полагают в социуме, будут способны ответить на определенный запрос времени. У избирателей просто нет других идентификационных объектов, потому "неотрефлектированная государственность" оказывается тесно связанной с процессом персонификации субъективных ожиданий. А это, в свою очередь, — еще одно основание для эффективной манипуляции образами и идентичностя-ми политических агентов.

Итак, повторю: если отождествлять столь глобальную категорию, как "национальные интересы", с интересами всего общества, то о применении этого понятия к России можно будет говорить только в тот момент, когда начнут работать — и без контроля сверху — механизмы согласования интересов и позиций отдельных групп. Активность этих механизмов, с одной стороны, будет создавать сеть конструктивных взаимодействий социальных агентов, а с другой — укреплять веру людей в справедливость и законность, а значит, и легитимность существующего общественного порядка.

Тема легитимности власти представляет собой другой аспект проблемы "национального интереса", на котором я хотел бы остановиться.

По данным опроса Фонда "Общественное мнение", проведенного 25 — 26 декабря 1999 г., только треть респондентов признала состоявшиеся парламентские выборы честными, тогда как другая треть выразила в этом сомнение, а последняя — вообще затруднилась сказать что-либо определенное. Такие показатели — при всей их условности — отражают, на мой взгляд, общее мнение россиян, а это позволяет утверждать, что легитимность нынешней законодательной власти крайне сомнительна; укрепить ее Дума может только грамотной и эффективной работой. По крайней мере, необходимо, чтобы избиратели оценили деятельность Думы именно так. Однако кризис, омрачивший начало работы нижней палаты парламента в новом составе, безотносительно к ответственности за него каждой из конфликтующих сторон, дал лишний повод усомниться в дееспособности этого корпуса депутатов. Как бы ни разрешился настоящий кризис, он, увы, создал прецедент, от повторения которого наша страна не застрахована. Такой вывод сделала значительная часть опрошенных нашей исследовательской группой региональных экспертов*. Последние не были склонны возлагать вину на какую-то одну часть депутатов, полагая, что обе стороны конфликта заняли слишком жесткие и непримиримые позиции.

Мне думается, что вина радикального меньшинства, хотя она и кажется более очевидной из-за демонстративной кон-фронтационности его представителей, все же не столь велика, как ответственность большинства, выигравшего в результате парламентского столкновения, но не сумевшего найти возможности для компромисса. Как показывает история, игнорирование требований, интересов и инициатив того или иного представляющегося слабым общественного движения приводит к радикализации его идейных позиций и политической стратегии.

Кстати, поделюсь еще одним наблюдением, вынесенным из интервью с экспертами. Существует довольно распространенное убеждение, что позиция "Единства" определялась исполнительной властью, кремлевской администрацией или же самим В.Путиным. Признавая необходимость для правительства иметь свою фракцию в Думе и обязанность последней действовать в интересах кабинета, эксперты рассматривают участие исполнительной власти в формировании думских структур, подобное имевшему место на недавних выборах в России, как признак того, что принцип разделения властей не соблюдается. Другими словами, эксперты считают самостоятельность Думы довольно условной, хотя бы на сегодняшний день. Это, кстати, неплохо показывает, в какой мере парламент действительно представляет российского избирателя: как я мог заключить, исходя из своих четырехлетних наблюдений за ответами экспертов на самые разные вопросы, вера населения страны в самостоятельность того или иного органа власти — одно из ключевых условий легитимности последнего.

В завершение попытаюсь сделать некоторое резюме. Национальные интересы — это не просто система целей и приоритетов внешней политики страны, это продукт *согласования мнений и интересов* ее граждан. И потому налаживание способствующего такому согласованию социального механизма само по себе должно стать частью "национальных интересов". До тех пор, пока в нашем обществе не войдут в обыкновение последовательное агрегирование и консолидация интересов, а также распределение ответственности между договаривающимися сторонами, в качестве национальных интересов будут выступать *сформулированные властью цели и задачи практической государственной политики.*

Согласование интересов большинства и меньшинства (в какой бы сфере общества оно ни происходило) как политический принцип, с одной стороны, надеюсь, сделает более затруднительным применение манипулятивных технологий, а с другой — обеспечит власть и все общество *ресурсом солидарности и ресурсом инициативы*. Наличие последнего ресурса во многом зависит от успешной реализации первого, поскольку меньшинство зачастую является более инициативным, чем большинство. Подавляя меньшинство, общество рискует сломить его мотивацию к полезному действию. Еще неизвестно, что будет обладать большим протестным потенциалом — проявление или *непроявление* меньшинством своей инициативы.

И последнее. На мой взгляд, выборы 19 декабря 1999 г. — *это проигрыш публичной политики при победе власти как функции.* В публичной политике артикулируются интересы общественных групп и формулируются приоритеты деятельности. В обществе, еще не научившемся формулировать и публично отстаивать свои интересы, равно как и требования составляющих его групп, побеждает тот социальный агент, который обладает организационными, административными, финансовыми и прочими возможностями для *ситуативной* (добиться *долговременной* лишь при помощи такого рода ресурсов уже проблематично) консолидации вокруг себя разрозненных и, как правило, не имеющих по многим проблемам самостоятельной позиции людей.